

УДК 341.01

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS49782>

Евроцентризм в структуре международно-правовых исследований (обзор и критика основных методологических позиций)

© Э.А. Каракулян

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты евроцентричного характера международно-правовых исследований. Автор приходит к выводу о том, что актуализация евроцентризма в рамках политики международного права ведет к усилению региональной и глобальной напряженности, так как основной проекцией евроцентризма становятся различные формы неокOLONИАЛИСТСКОГО дискурса. По убеждению автора, критерии объективности не совместимы с методологией крайнего евроцентризма, а оптимальный вариант контрэвроцентричной стратегии возможен в рамках теории множественности конститутивных международно-правовых процессов.

Ключевые слова: история международного права; наука международного права; евроцентризм; цивилизация; междисциплинарность; критическая теория международного права.

Как цитировать:

Каракулян Э.А. Евроцентризм в структуре международно-правовых исследований (обзор и критика основных методологических позиций) // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 2. С. 29–45. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS49782>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS49782>

Eurocentrism within the Framework of International Legal Research: a Review and Critique of the Main Methodological Positions

© E.A. Karakulyan

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

ABSTRACT: The article examines various aspects of the Eurocentric nature of international legal research. The author concludes that the Eurocentric framework of international law inevitably leads to increased regional and global tensions, as neo-colonial discourse is the main projection of Eurocentrism. According to the author, the criteria of objectivity are incompatible with the methodology of extreme Eurocentrism. The optimal variant of a counter-revocentric strategy is only possible within the framework of the pluralism of constitutive international legal processes.

Keywords: history of international law; science of international law; Eurocentrism; civilization; interdisciplinarity; critical theory of international law.

To cite this article:

Karakulyan EA. Eurocentrism within the framework of international legal research: a review and critique of the main methodological positions. *Russian journal of legal studies*. 2021;8(2):29–45. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS49782>

ВВЕДЕНИЕ

Мышление евроцентриста, несмотря на универсалистские притязания, по своему происхождению и функционированию имеет целый ряд существенных и далеко не всегда научно обоснованных ограничений. Евроцентризм как мировоззренческая и методологическая позиция имеет широкие исторические обоснования на разных этапах своего формирования. Совершенно не оспаривая его исторической обусловленности, необходимо задаться, прежде всего, двумя типами вопросов: насколько допустимы евроцентрические интерпретации международного права (далее — МП) на современном его (права) этапе и насколько это оправдано, что называется, в принципе, если речь идет о самом предмете МП?

Действительно, анализ истории международно-правовых учений и ее интерпретаций необходимо связан с констатацией европейского происхождения основных (классических) институтов МП и постулатов его науки. Речь идет о европейском происхождении МП и его науки в системном для классического периода выражении. Это означает, что невозможно отрицать наличие международно-правовых явлений в доктринальном или историческом плане до появления первой системы МП и за рамками европейского региона (Вестфальская система). Таким образом, подчеркивается роль исторических и географических факторов в формировании европейской цивилизации, т.е. в плане относительности исторических реалий, а не в плане абсолютизации ее метафизическиуниверсальных (абсолютизированных) ценностей и качеств.

Историю международного права (далее — ИМП) до XX в. определяет совокупность, главным образом, трех аспектов: европейское по происхождению (до создания Лиги Наций), право войны по доминирующей тематике (до начала XX в.), колониальное (по характеру международных отношений и основных субъектов до 60-х гг. XX в.). Новейший период (после распада СССР) характеризуют, с одной стороны, как кратковременный период монополярности (доминирование США, Запада в целом), с другой стороны, как постколониальный и «постхолодновоевропейский» [1, р. 4], разворачивающийся в условиях либеральной/неолиберальной глобализации. Современный период, связанный с относительным ослаблением Запада, с общим кризисом международной системы и МП, выражается в противостоянии таких тенденций и процессов, как глобализация, деглобализация, регионализация и реинтернационализация.

Таким образом, актуализация евроцентризма в современных условиях неизбежно означает усиление региональной и глобальной напряженности (на основе противопоставления европейского и неевропейского, западного и всего остального), обращение к концептам пост- или неоколониального дискурса (на основе

исторической традиции или инерции, а также включения концептов девиации, нормальности/ненормальности в правовой дискурс, положения о цивилизационных преимуществах и т.д.). В целом, происходит противопоставление или отождествление европейского и универсального, европейского и цивилизаторского характеров МП. Иными словами, подобные констатации свидетельствуют о принципиальной некорректности (необъективности) в отношении истории и современности МП и его науки, о ретроградности евроцентрического мышления, о политической ангажированности (тяготеющей к крайней форме либерализма), неуместной в академической научности, в конечном или начальном счете — о концептуальной нищете и потере интеллектуальных потенциалов евроцентризма в современных условиях, в особенности применительно к предмету права международного сообщества. При этом оптимальным вариантом была бы возможность проводить различия между характерами «евроцентризма» и «европеизма», крайней и умеренной формами европейского сознания, хотя в современных условиях регионализации последнего они нередко взаимосвязаны и взаимозависимы. Кроме того, стоит отметить, что определенная мера «европеизма» не означает непременно тождество «европтимизму», а «еврокритицизм» не отрицает известной меры «евроскептицизма» (относительно европейских структур международно-правовой мысли). Европа, превращаясь в «провинцию мира» [2, с. 142], неизбежно ведет к соответствующей провинциализации любых способов видения международного сообщества и его права.

1. Ультравроцентризм

Крайние формы евроцентризма можно видеть на примере взглядов Лаури Мальксоо, в творчестве которого Россия занимает едва ли не центральное место. По его мнению, существует «два альтернативных способа взглянуть на встречу России с Европой в истории международного права». Один из способов состоит в том, чтобы «смотреть на Россию как на одну из европейских стран...» [3, pp. 764–786].

С первых же строк проявляется логический сдвиг, когда происходит смешение разных предметов рассмотрения: «встреча России и Европы» или же сама Россия под тем или иным углом зрения? Если весь последующий текст направлен на анализ места России в ИМП, а это так и происходит, то разговор о «встрече» становится односторонним, если вообще возможным. Если же допустить, что этим самым предлагается решить таким образом поставленную исследовательскую задачу, то и в этом случае обнаруживается зависимость возможности «встречи России и Европы» преимущественно от роли России (беспомощность Запада?) или ее, адекватных или не слишком, образов восприятия извне. С одной стороны, это выглядит признанием того факта, что на этом пространстве

международной жизни есть только два субъекта (ЕС и РФ). С другой стороны, в этом выражается признание решающего фактора для такой встречи в лице России и, стало быть, подчиненное положение Европы или, напротив, взгляд, что называется, свысока на не соответствующего возможности данной встречи оппонента, основным препятствием для которой и является некая якобы неполноценность или ущербность последнего.

При этом отношение к России (от распознавания или идентификации которой и зависит решение вопроса о «встрече») может быть сформировано двояким образом. Либо Россия — одна из уникальных европейских стран со своим особым путем, и тогда она принципиально не отличается от других, т.е. «Польши, Испании, Скандинавии или даже Великобритании в развитии международного права» [ibid., p. 764] (что само по себе звучит как противоречие, ибо уникальность и есть принципиальное отличие). Либо Россия и Европа — это «два автономных друг от друга мира», «культурно-политических пространства» [ibid., p. 765]. Оставляя в стороне вопрос об очевидной ограниченности и концептуальной ущербности предложенного двумерного видения, можно заключить, что таким образом признается, во-первых, что Россия — единственная страна, сохранившая свою самостоятельность, в то время как европейские страны стали частью наднационального союза; во-вторых, Россия соразмерна цивилизационному («культурно-политическому») пространству, а отдельные страны Европы на такое не способны.

Далее автор, видимо, осознавая банальность и ограниченность предложенных схем и признавая тем не менее их актуальность, заявляет о возможности иного видения — сквозь призму «Балтийской перспективы на русскую историю» [ibid., p. 765], что также остается не вполне отрефлексируемым заявлением. Основной матрицей исследования в такой перспективе становится соотношение понятий «центр» и «периферия», а «балтийский взгляд» в этом смысле и исторически — либо часть одной, либо другой стороны предложенных оппозиций, иными словами, не представляет собой сколько-нибудь выраженной исторической, тем более международно-правовой субъектности. Как отмечает автор, «конечно, эти понятия — „центр“ и „периферия“ не были непосредственно использованы в международно-правовых документах и доктринах прошлого. Также они не используются в современном официальном языке международного права» [ibid., p. 765]. Таким образом, в международно-правовой дискурс вводятся внешние по отношению к МП термины, заимствованные, как отмечает автор, из семиотической теории Ю.М. Лотмана. Необходимо подчеркнуть: заимствованные из области семиотики или из политической теории неокOLONIALного типа, они остаются внешними по отношению к теории МП. Согласимся с тем, что ничто не мешает использовать различные подходы в рамках междисциплинарного

исследования, важны, главным образом, сила и качество аргументации при использовании тех или иных схем, понятий, концепций. Здесь же необходимость использования понятий «центр/периферия» ничем не поясняется, чем создается двойственное впечатление: это пример научного творчества, не свободного от субъективистских оценок, или пример политической ангажированности определенного направления и, стало быть, намерения? Ибо, заимствованные извне, но используемые в рамках правовой, международно-правовой тематики, данные понятия неизбежно приобретают преимущественно политическую окраску вслед за соответствующим определением характера международной жизни, несколько не касаясь собственно международно-правовых категорий (политический реализм или колониализм). Об этой форме политической целесообразности автор и говорит, когда признает, что эти понятия (центр — периферия) не просто метафоры, а способ построения «стандарта», который определяет, «что представляет собой развитая „нормальность“, а что слабо развитое варварство; кто получил статус, а кто был маргинализован как недостойный полноценного статуса» [ibid., p. 766]. Достаточно простого упоминания данного тезиса, чтобы понять, с какой стороной озвученных оппозиций ассоциируется Россия. Что бы ни говорилось далее с целью уточнения или акцентирования условий возможной встречи «Россия — Европа», данная матрица остается принципиально неизменной. Можно задать вопрос о качестве аргументации, о том, каким образом это обосновывается, т.е. вопросом о средствах доказывания изначальных позиций, что тоже немаловажно. Но более важным становится вопрос о цели такой «исследовательской» подмены, методология которой состоит в том, что от постановки вопроса о возможности встречи двух акторов совершается переход к рассмотрению одного из них, и он в дальнейшем ассоциируется с тем, кто не «получил статуса» с точки зрения некоего европейского («цивилизационного») «стандарта». Таким образом, от понятия нормы и нормативности, что является по определению и должно быть непосредственным предметом международно-правового анализа, совершается переход к понятию «нормальности».

Можно было бы отдельно остановиться на позициях автора, связанных с т.н. норманской теорией происхождения российской государственности, полуполюгендарной по своей сути и дискуссионной как минимум; на позициях относительно постоянного отсутствия своего и зависимости от европейского начала (в этом случае не понятно, каким образом СССР (и РФ) превратился мировую державу); на утверждениях о том, что СССР, хотя и внес основной вклад в крах колониальной системы, существовавшей несколько столетий, сам пострадал от своей антиколониальной политики, т.к. сам был колониальной империей, тезис, взятый за аксиому, т.е. без доказательств или соответствующих отсылок.

Колониальные системы не порождают государственности для своих частей. Достаточно указать на то, из каких элементов складывается необъективистское, а по многим признакам предрассудочное, специфически мифологическое толкование роли и места России в истории международного права и его науки. Помимо признания роли СССР в том, что касается мирового продвижения социально-экономических прав человека и его антиколониальной политики, вклад России в науку МП досоветского периода связывается преимущественно с деятельностью Ф.Ф. Мартенса, что неоспоримо, но и это интерпретируется не столько через призму того, что Ф.Ф. Мартенс был подданным России, которую официально представлял на Гаагской конференции мира (1899), но через призму его этнического происхождения¹. Данная позиция, экстравагантная по многим признакам, тем не менее полностью вписывается в одну из версий международно-правового евроцентризма в крайней его форме.

Возникает вопрос, насколько такая крайность или евроцентризм в целом как направление адекватны современным представлениям о МП, его универсальной сущности как права международного сообщества. Отметим основное, на наш взгляд: в понимании МП как права международного сообщества заложен акцент на равновесии как государствоцентрических и социоцентрических [4, с. 188] позиций в науке международного права (далее — НМП), так и евроцентрических и универсалистских толкований МП. По мнению Э.Я. Баталова, выход из противопоставления государствоцентричных и социоцентричных позиций возможен на основе обращения к антропологии международных отношений [5, с. 4–16].

2. Евроцентризм: между критикой и интерпретацией. Методология контрэвроцентризма в теории М. Коскенниemi

Евроцентристская тематика международно-правовых исследований раскрывается в комплексе самостоятельных и в то же время взаимосвязанных аспектов НМП, рассматриваемых как ее проблемные и смежные области. Суть состоит в том, что исторически и теоретически формируется целый ансамбль тем и концептов однопорядкового характера, где рассмотрение вопросов евроцентризма (европейского происхождения и функционирования МП и соответствующих дискурсов) неизбежно пересекается с рассмотрением вопросов метафизического контура МП, цивилизаторской или цивилизационной его сущности, телеологии МП, идеологий и практик либерализма и колониализма и всего, что с этим связано. В целом, данные аспекты НМП, будучи философско-историческими по своему характеру, имеют и более

прикладное значение: все это суть вопросы предметно-методологического характера, а также вопросы дисциплинарных разграничений между историей науки международного права (далее — ИНМП) и ИМП.

Современная постановка вопросов евроцентризма, его анализ и критика наглядно выражаются в творчестве М. Коскенниemi [6, р. 217], где данная проблематика рассматривается в контексте общей методологии международно-правовых исследований, истории и теории МП и его науки², а также альтернативных стратегий. Сама дискуссия вокруг обозначенной проблематики строится на фоне очередного всплеска исследовательского интереса к ИНМП, наблюдаемого на рубеже XX–XXI вв., во многом это вызвано как новой верой и надеждой в международные институты, так и требованиями осознания новых аспектов кризиса МП, неэффективности всей системы в новых условиях, а в конечном счете речь идет о переосмыслении механизмов господства центров власти или дискурса, с какой исторической необходимостью это не было бы связано. С какой бы стороны не предпринималась критика евроцентризма, она почти с фатальной безысходностью оказывается в западне собственных смыслов и инструментов, превращаясь в ту или иную форму интерпретации предмета, содержание которого остается не только исторически, но и политически неизменным. Отсюда предметно-методологические основания евроцентризма, пересекаясь с аналогичными основаниями собственно НМП, вносят свой вклад в построение другой предметной сферы, а именно политики МП, национальная принадлежность которой не отрицает европейской идентичности. В результате, и структура критики евроцентризма оказывается совпадающей со структурой предмета НМП. Если в свое время исторически и теоретически это было оправдано, в рамках понимания МП как европейского, в качестве права, применимого к сообществу государств европейской общности, то в период формирования универсального МП и его науки такое видение представляется все более и более сомнительным с точки зрения предмета, понимаемого в качестве права всего международного сообщества.

Таким образом, критика со стороны или в отношении евроцентризма зависит во многом от угла зрения: с точки зрения истории науки, с точки зрения методологии международно-правовых исследований, а также с точки зрения альтернативных стратегий (в заключении).

1) С точки зрения истории науки международного права

Международно-правовая система, возникающая в определенных исторических условиях (например, Вестфальская система), становится носителем их

¹ По всей видимости, именно этот момент и является основным в обосновании т.н. «Балтийской перспективы» в науке международного права.

² Данный автор определяет дискуссию по основным вопросам современной науки международного права настолько, что можно говорить о формировании некоего дискуссионного клуба вокруг его имени, сформулированных им тем и проблем.

основных компонентов и характеристик, а также причиной и следствием последних, как составляющих определенного «духа эпохи». В этом смысле историческое бытие оставляет глубокий отпечаток на том, что является его порождением. Это в равной мере относится и к НМП. Подобно тому, как происхождение вещи есть то, что с этой вещью происходило в момент возникновения [7, с. 77], и НМП, и собственно МП сохраняют в себе особенности своего происхождения в условиях, отличных от его места и времени.

ИНМП возникает во второй половине XIX в. «как часть либеральной линии укрепления в Европе», и первым «историком новой профессии», по мнению М. Коскенниemi, стал Эрнест Нис (1851–1920) [8, р. 152]. В данном случае суть состоит не в первенстве и не в личности новатора (хотя и в этом тоже), но в историчности происходящего. Речь идет о том, что с самого начала (вопрос о хронологической привязке из другой дискуссии) предмет НМП инкорпорировал в себе и либеральное мировоззрение своего века, и соответствующую телеологию МП, связанную с идеей «„цивилизовать“ поведение своих наций, но также и колоний» [Ibid.], и экспансионистские устремления «европейской цивилизации в мире», и осознание «Вестфальских» корней МП [Ibid., р. 153].

Таким образом, исторически европейская по месту происхождения НМП приобретает первые элементы системного характера, избирательно ассоциируя воедино различные концепты исторического процесса. Причем данная избирательность есть не столько плод чьей-то определенной воли, сколько продукт развития исторического европейского сознания. Речь идет о таких концептах, как либерализм, цивилизация, колониализм, «европейскость», определяющих ключевые особенности развития НМП, которые подтверждались и «переиздавались» и в последующие периоды. В частности, на рубеже XIX и XX в., когда, по мнению Г. Гонга [9], формировался т.н. «стандарт цивилизации», бывший формой европейской универсализации МП [8, р. 154], а с середины XX в. МП стало все чаще рассматриваться как расширенная форма европейского. Вплоть до настоящего времени данные позиции продолжают определять основные исследовательские направления западной НМП. И если в период т.н. «поворота к истории» [10; 11] развиваются критицистские направления исследований, то они, тем не менее, чаще всего оцениваются как неэффективные или неудовлетворительные, так как не в состоянии выйти за прочные рамки корневой идентичности.

Творчество М. Коскенниemi может быть в этом смысле показательным примером критики особого рода и весомого вклада в ее методологию. По его мнению, до 2000-х гг. все исследования по ИНМП и ИМП были «глубоко евроцентричными», так как Европа была «их географическим, политическим и концептуальным центром» [8, р. 154]. И после, в условиях

т.н. постколониальной критики МП, «европейские истории, мифы и метафоры продолжают устанавливать условия как для понимания прошлого международного права, так и определения его будущего» [Ibid., р. 155]. Европа ассоциируется с такими евроцентристскими понятиями, как прогресс, свобода, человечество, цивилизация, хотя и «никогда не было четкого стандарта цивилизации» [Ibid., р. 156]. С одной стороны, утверждается, что XX в. — это время «перехода от евроцентризма к универсальным институтам» (А. Нуссбаум), с другой стороны, право международного сообщества продолжает говорить «на полностью евроцентричном языке» с целью установления власти Запада над миром (по А. Анги) [Ibid.].

Всякая концепция МП, так или иначе, отвечает на вопросы о человеке, человечестве, о специфической форме мироустройства. В этом смысле и реалистические, и идеалистические, и промарксистские истории МП схватывают по-своему открываемые ими сущности международной жизни, сообщества, права. И если первые говорят о «неевропейском мире» в качестве естественного «объекта европейского захвата земли и колонизации», вторые склонны рассматривать правовые нормы, принципы или институты, «путешествующие как бы неизменными во времени или „развивающиеся“ до полной зрелости в настоящем», а третьи склонны использовать «европейские концепции и категории» на свой манер, то и те, и другие, по мнению М. Коскенниemi, евроцентричны и в равной мере совершают «грех анахронизма» [Ibid, р. 166]. В более предпочтительном состоянии для него оказывается «школа Ренн», где осмысливается критика не только колониальных последствий, «но и западной правовой рациональности», включая «длинный раздел об истории западного господства посредством „юридически организованного исключения“» [Ibid, р. 167].

Таким образом, если развитие МП, по мнению М. Коскенниemi, «в основном вдохновлено цивилизационной миссией», идеей «имперской экспансии» ради «улучшения жизни завоеванных народов», и всякое использование международно-правовой терминологии «неизбежно будет евроцентричным» [Ibid, р. 169], то критика евроцентризма, по нашему мнению, неизбежно должна быть и критикой той рациональности, которая устанавливает основные контуры европейской идентичности.

2) С точки зрения методологии международно-правовых исследований

Помимо предметных составляющих НМП, затрудняющих бескомпромиссный отказ от евроцентричного наследия, существует вопрос о методологии, способной продвинуть исследование в этом отношении. Концептуальные экскурсии М. Коскенниemi представляют классификацию господствующих методов в истории и теории НМП. Значение этого вопроса выражается в том, что предпочтения

в пользу той или иной из них определяют соответствующую телеологию МП. История МП, как отмечается, рассматривалась через призму «специфического исторического повествования, посвященного гуманитарному прогрессу» [6, р. 217] («модернистскому прогрессу»), что явилось следствием совмещения у основных представителей классического периода идеи МП с идеей Божественного Провидения, действующего в историческом процессе и превращающего человечество в некое единое образование. В том или ином виде на этом первичном положении строится соответствующее понимание телеологии МП [12, pp. 492–511].

Специфика НМП выводит на первый план вопрос о способах построения исторических нарративов, от выбора которых зависит отражение структуры истории самой науки, определяющей, в свою очередь, доктринальные интерпретации действующего права. В этом смысле М. Коскенниemi выделяет следующие методы и подходы.

А) Метод «великих принципов» или «универсальных тем». Интерпретация ИМП и его науки, в основе которой лежит идея, что история права — это истории основных регулирующих его положений (принципов), была уделом «идеалистических» историков. Речь идет об истории формирования таких принципов, как «*acta sunt servanda* (обязательная сила договоров), свобода государства, равенство государств и международная солидарность» [6, р. 218] или таких «универсальных тем», «как, например, пацифизм и империя, или суверенитет и международное сообщество» [ibid.]. В том или ином виде такое представление предполагает магистральным направлением развития МП процесс универсализации его принципов или идеологических программ. Например, универсализация принципов Французской революции была целью МП для Роберта Редслоба. В современном виде такой подход выразился, по мнению М. Коскенниemi, во взгляде на ИМП как на «борьбу между принципами индивидуальной свободы и общественного благосостояния, или либерализмом и социал-демократией» (например, у Э. Жуане) [ibid. 13, р. 188].

Б) Метод «истории идей». Другой взгляд на ИМП был сосредоточен «на отдельных юристах или европейских мыслителях». Какими бы ни были ценными исторические исследования в данной сфере, мы должны относиться с подозрением к идее о том, «что история — это передача больших идей или разговоров на вечные темы на протяжении веков», так как в этом случае рассматривается «прошлое, одержимое тем, чем мы одержимы» [6, р. 218], т.е. неизбежна вольная или невольная модернизация истории. Такой тип интерпретации ИМП М. Коскенниemi относит к «крайним представлениям о праве», против чего он выдвигает «контекстуалистские» и «юриспруденциальные» возражения [ibid.].

В) Метод «правового реализма», представленный в теориях К. Шмитта (право как часть «осмысления

конкретного порядка», определяемого «мощным центром, излучающим свое влияние по всему миру») и В. Грехе (ИМП «как правопреемство великих империй»). Право для них — некий вид надстройки над деятельностью «от имперского центра до его периферий». Ограниченность такого «ультрареалистического» видения ИМП состоит в том, что «никогда не существует единого места, определяющего закон — точно так же, как имперская история никогда не может быть именно тем, что повелевает император» [ibid., р. 219].

Г) Телеологический метод. В целом, и идеалистическое и реалистическое видение, по мнению М. Коскенниemi, грешат излишним редукционизмом, при общей приверженности к универсальной истории, которая в действительности якобы следует «одной единственной траектории значений» и может быть ими описана (например, «суверенитет», «права человека», «империя», «развитие», «капитализм» или «прогресс»), хотя и «невозможно написать ИМП, которая не включала бы телеологический элемент» [ibid., р. 220].

Из этого следует вывод о допущении того, что существует не «единственная естественная телеология» в ИМП. При этом в рамках универсалистского толкования ИМП в качестве «истории человечества» могут утверждаться откровенно антиуниверсалистские позиции, когда «многие европейцы, убежденные в том, что колонизация и цивилизация шли рука об руку», «чувствовали особую привязанность к колонизации со стороны своих собственных правителей». Смысл такой телеологии МП состоит в том, чтобы показать, «как европейские идеи и люди придут править человечеством» [ibid.]. Анализируемый на примере бельгийского вклада в ИМП, такой подход квалифицируется как «типичная европейская идея» [ibid.]. Таким образом, по мнению М. Коскенниemi, со времен И. Канта и «к концу двадцатого века международное право, как считалось, несло сильно евроцентричное наследие», связанное с убеждением, что «развитие Европы представляет собой и будущее человечества» [ibid., р. 222].

Но проблема не только в том, что «традиционные истории ужасно евроцентричны» (в силу исторического материала), но и в том, что «стандарты историографии» носят тот же характер: «необходимо принять европейские понятия актуальности, чтобы даже европейская озабоченность и политические пристрастия могли появиться даже в критике евроцентризма» [ibid.]. Иными словами, евроцентричность выражается как на уровне предмета, так и на уровне метода, включая критику в отношении евроцентризма.

Д) Методы в рамках неевропейских интерпретаций ИМП. Такие методы используются в качестве одних из основных в рамках контрреволюционной критики МП. В новейшее время появляется два типа неевропейских трактовок ИМП и его науки:

а) идея множественности центров: основные принципы и институции классического МП формировались

и в других регионах мира, что позволяет утверждать, «что европейские стандарты» «на самом деле не „европейские“, а универсальные» [Ibid., p. 223];

б) идея европейской экспансии: демонстрация того, каким образом «европейские стандарты» были навязаны «для поддержки европейского господства», через «истории порабощения и разрушение образа жизни коренных народов» [Ibid., p. 223–224]³. При этом, как это ни парадоксально, постколониальные историки, по мнению М. Коскенниemi, сближаются в своих интерпретациях с реалистическими версиями НМП, сходными с «имперскими повествованиями Грeve и Шмитта». Иными словами, если выбор состоит между тем, чтобы принять или отвергнуть европейское наследие НМП, то никакая из данных стратегий не свободна от определенной степени редукционизма и релятивизма: «каждый имеет свои достоинства и недостатки и каждый имеет склонность не вдаваться в нюансы взаимоотношений закона и власти» [Ibid., p. 224].

Таким образом, обходя вопросы об универсализме и релятивизме, критика евроцентризма должна полемизировать с «колониальными истоками международного права». С этой целью М. Коскенниemi выделяет следующие стратегии, «с помощью которых коллеги пытались справиться с евроцентризмом» [Ibid.]:

1) показать «историю участия международного права в конкретных колониальных и имперских проектах»;

2) «указать на колониальное происхождение того или иного института, который обычно считался изначально „европейским“»;

3) «думать с точки зрения гибридов колониальных и антиколониальных идей и использования унаследованного словаря»;

4) «провинциализировать Европу».

Этот список дополняется перечнем тех методологических задач и практик, которым необходимо следовать с целью преодоления или ограничения консервативного воздействия евроцентризма [8, pp. 152–176]:

- «изучить автохтонные юридические словари и методы разрешения споров»;
- избегать «опасности анахронизма и концептуального империализма»;
- исходить из того, что в природе любой цивилизации существует «универсальный взгляд на все»;
- иметь в виду, что «не существует метауровня, который не был бы частью какого-либо проекта универсализации» и был бы свободен от зависимых от него оппозиций;
- показывать «истории неевропейских миров»;

- использовать европейские концепции, техники, периодизации и стандарты «по-новому, чтобы продемонстрировать их изменчивость и непоследовательность и дестабилизировать политические и телеологические нормативы, которые сопровождают их».

Е) Метод контекстуализма. Итак, в исследовании по истории и теории НМП, с какой бы точки зрения они не производились, всегда есть риск создания ситуации смещения границ между методом и предметом, между правом и политикой, между прошлым и настоящим. С целью недопущения подобной ситуации, которую автор называет «интеллектуальной ловушкой» [6, p. 224], им предлагается метод исследования через обращение к конкретному контексту возникновения и действия правовых категорий. Для М. Коскенниemi этот метод оказывается более предпочтительным еще и в том смысле, что он, выступая альтернативой любой форме категоричности и предлагая материал как бы в естественно-историческом виде («слышать голос прошлого»), способен формировать «человеческое измерение» МП.

«Исторические тексты или события следует изучать, задавая вопрос о том, чего автор текста или агент намеревался достичь» [Ibid., p. 227], с учетом их языка и адресата, иными словами, через определения исторических интенций авторов в их исторических условиях. Такой взгляд сопряжен с утверждением, что идея является продуктом исторического момента и не имеет «трансисторического значения», и нет гарантий, что «надлежащий интеллектуальный контекст» может стать традицией МП [Ibid., p. 228].

В целом, по признанию М. Коскенниemi, контекстуализм, который способствует «подрыву идеологий прогресса» или «универсалистских идеологий», сам в свою очередь не свободен от ряда ограничений. Это и «„позитивистское“ разделение между прошлым и настоящим», исторический релятивизм, и отрицание исторической закономерности, что противостоит как идее универсального прогресса, так и идее постколониальной критики [Ibid.].

И прогрессисты, и строгие контекстуалисты использовали «глобальный принцип справедливости, способный включить европейские и неевропейские народы в универсальную историю» (Ян Хантер) [Ibid., p. 230], что означает «пренебрегать хронологически разграниченным смыслом», а в конечном счете — «совершить грех анахронизма» [Ibid.], когда в событиях или текстах прошлого находят то, что им не свойственно, рассматривая историю в обратном направлении: с целью поиска традиции современных категорий, что чревато насильственным способом объединения авторов и эпох.

Это связано с тем, что объект исторического исследования и сознание историка не имеют четкой и неподвижной границы. Исторический материал актуализируется необходимостью выстраивания современных перспектив, как, например, по словам М. Коскенниemi,

³ «Постколониальные критики, похоже, застряли между двумя стратегиями: либо принять универсальность и унаследованные стандарты и сосредоточиться на демонстрации европейского лицемерия — чтобы показать, что европейцы никогда не соблюдали сами эти стандарты — или отвергнуть эти стандарты и обвинить международное право как соучастника имперского господства» [Ibid., pp. 223–224].

«нынешние проблемы с „глобализацией“ побуждают нас исследовать прошлое наших унаследованных правовых концепций и учреждений» [Ibid.]. Таким образом, утверждается, что «грех анахронизма» неизбежен, и «пределы контекстуализма» [Ibid., p. 231] обнаруживаются уже на стадии определения контекста. Во-первых, потому, что отбор исторических фактов не свободен от историчности исследователя; во-вторых, «выбор и оценки» направлены на достижение «лучшего понимания природы настоящего, в том числе причин сегодняшнего господства и несправедливости, с тем, чтобы способствовать их искоренению»⁴. Кроме этой зависимости от «природы настоящего» отмечается дефицит социально-экономического измерения интеллектуальных продуктов прошлого [Ibid.].

Вопрос усложняется еще и тем, что требование расширения контекста не происходит автоматически, а определяется «критериями релевантности» для «содержательного рассказа». Отсюда «выбор масштаба» и снятие ограничений контекстуализма зависит от той или иной степени междисциплинарности: от «выбора между изучением юридических или философских текстов» или работ из самых разных областей знаний. Однако подобное расширение масштабов может быть оспорено критикой, указывающей на то, что такие понятия, как «Просвещение», «права человека» и «баланс сил», являются слишком евроцентричными. С другой стороны, в рамках евроцентрического масштаба остаются проблемы пограничности международно-правовых доктрин: философии и права (И. Кант), сфер международного и национального (Т. Гоббс и представители контрреформации), места МП в трудах по публичному праву (немецкая традиция).

При этом критика евроцентризма неизбежно оборачивается критикой политической философии либерализма [Ibid.]⁵. Иными словами, если крайний евроцентризм тяготеет к крайнему же либерализму, то критика евроцентризма склонна учитывать социально-экономические факторы в исследовании МП и его доктрин [Ibid.]⁶.

Но искомое расширение поля международно-правового исследования сталкивается с дилеммой: либо рамки контекстуализма, либо чрезмерные обобщения в рамках социально-экономических исследований. Одни не расширяют поле МП, другие не говорят о праве. Выход

⁴ В этом месте делается отсылка к тезису Маркса, связанному с тем, что, по словам М. Коскенниemi, «валидация суждений о мире» зависит не от соответствия положению вещей, а от того, насколько это соответствует тому, что К. Маркс называл освобождением человека [Ibid., p. 230].

⁵ «Рынок не является и никогда не был независимым от государственной власти».

⁶ Это следует из ссылок на тезис Маркса об «освобождении человека», на неомарксистские направления (Ф. Бродель, Тешке), на международно-правовую историю Китая (Миевилль), на тезис о том, «что массовая бедность в мире может быть поддержана богословским уважением к праву собственности»; «конституция, деятельность и трансформация международных отношений в основном регулируются отношениями социальной собственности» [Ibid.].

за рамки контекстуализма, как отмечается, через постулирование идеи класса или религии в качестве отправных точек, происходит чрезвычайно редко, основным измерением определяется нация. Поэтому, по мнению М. Конскенниemi, НМП формируется между «траекторией «суверенитета» и траекторией собственности в глобальном масштабе. В конечном счете, констатируется неизбежная связь МП с идеологией [Ibid.].

Несмотря на это, именно контекстуальное прочтение ИМП, по мнению М. Конскенниemi, обещает «долгожданный прогресс» в НМП и противопоставляется как исследованиям, нацеленным на извлечение «уроков прошлого», так и любой форме парадигмального видения, которое не учитывает «всю сферу будущих возможностей» [Ibid., p. 239].

В этом смысле, по нашему мнению, все предшествующие обоснования контекстуализма, несмотря на их положительное значение в том, что касается методологической чистоты и ответственности исследователя МП, оказываются незавершенными или неубедительными и требуют отдельного рассмотрения. В итоге создается впечатление риторической неопределенности, а настоятельность перед «грехом анахронизма» оборачивается страхом перед любой формой оправдания/объяснения, возможного в рамках парадигмального видения, в котором, в принципе, и разворачивается самосознание исследователя. Но приближение к данной проблематике создает риск превращения международно-правового исследования в некий жанр философии истории, с точки зрения которой любые методологические предостережения представляются в лучшем случае по касательной философии права.

Выбор, который совершает М. Коскенниemi в пользу контекстуализма, по всей видимости, делается вслед за Х. Уайтом [14]⁷, опирающимся, в свою очередь, на С. Пеппера [15, p. 141.]. Уайт анализирует различ-

⁷ Х. Уайт интерпретирует его следующим образом:

- «события могут быть объяснены в рамках того „контекста“, в котором произошли»;
- объяснение возможно «только на основе уточнения функциональных взаимосвязей, существующих между действующими лицами и силами», «происшедшими в окружающем их историческом пространстве»; контекстуализм изолирует «в качестве объекта изучения некоторый (фактически — *любой*) элемент исторического поля, будь это столь большой элемент, как „Французская революция“ или столь маленький, как один день жизни конкретной персоны. Затем он подбирает „нити“, связывающие объясняемое событие с различными областями контекста»;
- «цель этой операции ... в том, чтобы увязать их в цепи временных и ограниченных характеристик конечных областей явно „значимого“ явления»;
- «учитывая протонаучную природу исторического исследования, не существует аподитических эпистемологических оснований предпочтения одного типа объяснения другому»;
- «в каждом историческом описании реальности действительно существует нередуцируемый идеологический компонент. То есть просто потому, что история *не* есть наука, или в лучшем случае, есть протонаука с определенными ненаучными элементами своей конституции» [Ibid., pp. 37–41].

ные типы историографии с позиций тропологической теории дискурса, ее традиция начинается, по его мнению, с Д. Вико [14, с. 7], который, с нашей точки зрения, за множественностью характеров эпох, предметных областей и исторических форм знания, тем не менее, видел определенные исторические законы, принципиальная возможность которых для Уайта и его метаистории оказываются вторичными и зависимыми от исторических форм префигурации (тропов), где идея закономерности заменяется идеей предпочтительного способа описания истории. Более того, при отсутствии «аподиктических эпистемологических оснований предпочтения одного типа объяснения другому» (Уайт) оказывается, что и выбор в пользу контекстуализма носит не столько логический, сколько модальный характер (как предпочтительно «лучший» способ объяснения). В итоге, ничего не мешает вывод Уайта в отношении истории, охарактеризованной им как «протонаука с определенными ненаучными элементами своей конституции», распространить и на контекстуалистский метод в частности. Отсюда и выбор в пользу контекстуализма, как варианта контрeuroцентричной стратегии, ставится в прямую зависимость от наличия «идеологического компонента». Неотрефлексированность последнего в должной мере порождает ситуацию, когда стремление освободиться от идеологии евроцентризма производится с позиций его самого. Нередуцируемость евроцентризма, таким образом, находится в основании безысходного дуализма сознания.

3. На полях критики, или эволюция контрeuroцентричных стратегий

В статье Л. Обрегон [16, pp. 360–392] описывается история евроцентрической мысли, варианты ее региональной критики, а также эволюция взглядов М. Коскенниemi, который был «не первый, кто осветил проблему евроцентризма в международном праве». На раннем этапе своих исследований, как считает Л. Обрегон, «Коскенниemi представляет нам парадокс авторов, которые выражают сожаление по поводу западного интеллектуального наследия, которые очень стремятся универсализировать его в рамках жесткой международной системы суверенного равенства», одновременно подрывая «интеллектуальные принципы их собственной культуры» [Ibid., pp. 374–375]. При этом определяется прямая связь НМП с идеологией либерализма: «каждый, кто опирается на классический закон суверенного равенства, утверждает Коскенниemi, должен одновременно принять либеральную доктрину политики» [Ibid., p. 375]. Кроме этого, по мнению автора, Коскенниemi согласен с критикой евроцентризма со стороны регионализма, но не согласен с ее аргументацией. Позиция М. Коскенниemi, по мнению Л. Обрегон, состоит в том, что такие концепты, как евроцентризм, цивилизация,

колониализм, семантически не точны, но освободиться от такой неточности невозможно: «неопределенность следует как структурное свойство самого международного юридического языка и не является вносимым извне искажением» [Ibid., p. 375]. Позднее, по мнению Л. Обрегон, М. Коскенниemi «делает заявление об отказе от ответственности, почему все его главные герои являются „белыми людьми“, потому что его цель состоит в том, чтобы рассказать „повествование о мейнстриме как историю о его космополитических чувствах и политических проектах“, что не мешает ему участвовать в «деконструкции основного потока», приглашая неевропейские дискурсы и темы к развитию НМП. Краткая и первоначальная критика евроцентризма начинается с признания того, что «европейский дискурс о колониализме и цивилизации был далеко не однородным» [Ibid., p. 376].

На следующем этапе, по мнению Л. Обрегон, в статье «История международного права: работа с евроцентризмом» [8, pp. 152–176] М. Коскенниemi утверждает, что до конца XIX в. истории МП были поразительно евроцентричны. Европа служила «источником, двигателем и telos'ом исторических знаний» [16, pp. 360–392]. С другой стороны, исследования по ИМП XX в. стремятся «отказаться от евроцентризма в пользу универсальных учреждений, предназначенных для выполнения технических и функциональных задач, к решению которых призывает управление глобально взаимозависимым миром» [8, p. 159]. В конечном счете, необходимо «признать роль европейцев и неевропейцев, центра и периферии, колониальных и антиколониальных субъектов в построении истории, дискурса и практики международного права» [Ibid., p. 159].

Таким образом, описание эволюции евроцентризма в творчестве М. Коскенниemi от признания евроцентризма до его критики идет к демонстрации (в интервью с М. Коскенниemi от 12 июня 2013 г.) сложности и проблематичности любой формы критики евроцентризма, уподобляемого с «инопланетянином», который «вошел в нас и принимает решения за нас» [16, p. 378]. С одной стороны, констатируется неточность евроцентризма как понятия, а с другой стороны, невозможность избежать его влияния: сама критика евроцентризма может находиться в «железной клетке» его самого. Поэтому «в какой-то момент европейцам просто нужно перестать говорить и начать слушать», так как этому языку не хватает легитимности, того, что, в свою очередь, может создать «один из способов справиться с евроцентризмом» [Ibid., p. 379]. В то же время евроцентризм рассматривается как процесс универсализации европейского словаря: «весь мир становится „Европой“ в том смысле, что языки, которые управляют нами... ведут нас к европейскому образу мышления и господству». Однако Европа часто выступает «в роли сосуда — пустого знака — через который можно выразить все, что угодно» [Ibid.,

pp. 380–381]; существует «хороший» и «плохой» евроцентризм или множество его типов [Ibid., pp. 381–384]. При этом проблематика интерпретаций евроцентризма и способов его критики, а равно и проблематика междисциплинарных стратегий и масштаба видения, дополняется у М. Коскенниemi проблемой предметной определенности (философия/право), риск потери которой становится очевидным, коль скоро границы между различными областями знаний делаются не только чрезвычайно пластичными, но и проницаемыми. Так, утверждая, что «языки, которые управляют нами... ведут нас к европейскому образу мышления и господству» [Ibid., p. 380], и определяя этим фатальную предопределенность, исходящую от использования специальной терминологии, евроцентристской по определению, исследователь, по нашему мнению, осознает бессилие какой бы то ни было критики евроцентризма, хотя и принимает немало усилий в этом отношении. Выходом из сложившейся ситуации могла бы быть по меньшей мере постановка и решение более широких проблем (исторических понятий, отношений между объяснением и описанием на пересечении различных сфер знания, например, теории языка, философии истории, эпистемологии научных категорий и др.).

Но ситуация гораздо сложнее: в той мере, в какой не язык определяет пределы исследования, но смыслы определяют его перспективы и траектории, в той мере и язык предстает объектом, теряя власть над исследователем. Иными словами, язык, научный язык — это, прежде всего, инструмент сообщения смыслов, и потому находится в зависимом положении от целого ряда условий: исторических, идеологических, политических, семантических. Приобретая такой статус, он, конечно, не освобождается автоматически от тех обстоятельств, в которых проявляются различного рода «грехи» исторического видения. В этом отношении, как видится, следует ориентироваться, прежде всего, на дисциплинарные предназначения словаря, которые позволяют сохранять в чистоте его предметные значения, не отрицая при этом возможности создания новых смыслов. Идет ли речь об эпистемологических императивах или о свободных предпочтениях автора, предметно-методологические вопросы дисциплины не исчезают. В противном случае сложно было бы проследить историю предмета.

Мы исходим из того, что предмет науки, коль скоро он приобретает систематическое состояние, является одним и тем же, независимо от исторических приобретений или потерь. Без единства предмета в истории сложно было бы говорить о дисциплинарной определенности, создающей общее и вневременное пространство понимания. То, что не вмещается в это пространство, а именно: историчность тематизации и проблематизации содержательных сторон предмета — разрешается по мере их уяснения в историографическом плане.

Естественно, на этом пути может возникнуть конкуренция между философом истории и философом права, а может возникнуть и согласие в рамках поиска высших категорий. В любом случае на этом пути ставятся принципиальные вопросы природы гуманитарного знания, что может быть общим приоритетом или сверхзадачей для различных областей знаний. Именно в этом смысле методы построения междисциплинарных или, шире, интерконцептуальных знаний приобретают свое основное значение. Интернациональному предмету должны соответствовать интерконцептуальные методы — вывод, который проблематизирует не только оправданность евроцентрических интенций, но и возможность, в частности, построения метанаучной теории МП.

4. Евроцентризм: парадоксы неизбежности

Анн-Шарлотт Мартино [17] рассматривает различные способы преодоления евроцентризма на примере «Оксфордского справочника по истории международного права» [3]. Солидаризируясь с индийским ученым (D. Chakrabarty) в том, что в рамках контревроцентричной критики «европейская мысль одновременно и необходима, и неадекватна» [Ibid., p. 329], она приходит к выводу, что поставленные задачи рецензируемого Справочника не были решены.

Приветствуя авторов, выступивших против однолинейности европейского вектора развития МП, за инклюзивный подход к глобальной истории (включение неевропейских обществ и регионов), который возник как ответ западных историков на вызовы глобализации, ратуя за «радикальное изменение словаря» [Ibid., p. 330] и необходимость критики «стандарта цивилизации» [Ibid., p. 330], А.-Ш. Мартино также говорит на языке центра и периферии, неизбежно связанном, по нашему мнению, с концептами господства и колониализма. Данное видение сопряжено, кроме прочего, и с «волнением» автора по поводу «учета многополярной перспективы», в результате которой либерально-плюралистический проект «делает свою собственную политику невидимой», сохраняя при этом «устойчивость евроцентрических голосов» [Ibid., p. 331].

Таким образом, являясь частью общего направления постколониальной критики, структура Справочника, тем не менее, «остаётся отчетливо евроцентричной»: МП продолжает рассматриваться как модернизирующий проект без географической привязки, без учета эксплуатации, свойственной капитализму [Ibid., p. 330]; суверенитет определяется «главным камнем преткновения на пути к реальному прогрессу» [Ibid., p. 331]; Европа символизирует собой абстрактно-космополитический проект против Realpolitik государственности [Ibid., p. 331].

Помимо признаков неудачи в противодействии евроцентризму, речь идет и о проблемах контревроцентричной критики. Во-первых, проблематизируется

в принципе сама идея преодоления евроцентризма, так как за его рамками «освобожденная» международно-правовая мысль задается прежними вопросами, глубоко укорененными в западной мысли [Ibid., p. 332]. Во-вторых, если правовые понятия переносимы во времени и пространстве, то «первым способом борьбы с евроцентризмом является продолжение постколониальной критики», состоящей в «тщательной демонстрации колониального происхождения международно-правовой нормы или института» и вступающей в конфликт с контекстуалистской критикой [Ibid., p. 332]. В-третьих, с одной стороны, констатируется, что «колониализм, империализм и капитализм идут рука об руку», с другой стороны, утверждается, что «постколониальные истории представляют международное право надстройкой, определяемой властью», создавая «„слепую зону“ в отношении противогегемонистского использования международного права незападными субъектами» [Ibid., p. 333; 18, p. 1054]. Отсюда возникает проблема «гибридизации правовых концепций» [8, p. 173]. В результате использования европейской терминологии в качестве универсальной («интеллектуальная ловушка» по М. Коскенниemi) МП «как европейский универсализирующий проект» предстает «железной клеткой», в которой неизбежно оказываются любые критики евроцентризма.

5. Евроцентризм: интеллектуальная история о темном прошлом международного права

А.Б. Лорка (Lorca A.B.), один из авторов Оксфордского справочника [3], рассматривая историю и историографию данной проблематики, утверждает, что если нет единого толкования о происхождении и ИМП, то, тем не менее, вид «повествований о прогрессе, скрывающем темное прошлое» [18, p. 1054] МП, является доминирующим. Постановка вопроса не отличается от свойственного мейнстриму западных теоретиков евроцентризма. Разбор имеющихся противоречий между теоретическими позициями строится по общей схеме, возникающей на платформе неизменного языка, где действуют «центр» и «периферия» МП, причем без строгого разграничения между историей (практикой) МП и историей (состоянием) НМП. Основные тезисы сводятся к следующему.

«История международного права традиционно была глубоко евроцентричной» [Ibid.]. Вестфальский договор, взятый как точка отсчета европейской ИМП, неизбежно порождает его европейскую перспективу и соответствующие искажения исторической реальности, которые можно выявить лишь с позиций неевропейского толкования МП. «История международного права с центром на Западе может быть узкой, скучной и этноцентричной» [Ibid.]; выполняющая «идеологическую функцию — универсализирующего и узаконивающего конкретную западную точку зрения», она становится

предметом неевропейских нарративов и у неевропейских авторов [Ibid.]. Поэтому западная наука должна исправить сложившееся положение, не допуская при этом доминирования со стороны других центров в отношении своего положения, хотя, по всей видимости, не это является основной интенцией автора, а анализ историографии, ее периодов и характеров.

Так, в период 1950–1980 гг. ставится под сомнение европейский характер и возникают «истории, показывающие универсальный характер и множественное происхождение» МП [Ibid.]; в период 2000-х гг. ставится под сомнение идея прогресса на основе МП и его целей (мир, торговля, права человека) и утверждается его связь с колониализмом [Ibid.]. Проблема евроцентризма звучит лишь в контексте географической универсальности МП, в контексте того, как в новых условиях «центрировать исторический нарратив» [Ibid.]. В рамках данной географической универсализации определяется два этапа: расширение семьи цивилизованных наций в XIX в. и процесс деколонизации в 60-х гг. XX в., когда и возникает право, «управляющее инклюзивным международным сообществом» [Ibid.]⁸. Вместе с этим, в 1960-х гг. происходит «универсализация» НМП [Ibid.]. Если на первом этапе речь шла, по мнению автора, о присоединении к европейскому «стандарту цивилизации» [Ibid.], то позднее речь идет о присваивании классического МП со стороны незападных авторов или об отмене «стандарта цивилизации» в пользу межрегионального космополитического МП, а после Второй мировой войны эта регионалистская тенденция в НМП исчезает [Ibid.]. Вместе с новой верой в универсальность после 1945 г. и возникает проблема евроцентризма, когда универсализация МП оказалась «для многих западных международных юристов источником опасений», а незападными расценивалась как победа [Ibid.] и свидетельство развития «в направлении более справедливого и всеобщего правопорядка» (R.P. Anand) [Ibid.; 19]. Отсюда создание «универсальных историй» МП и «историй множественного происхождения» становится основным способом противодействия евроцентризму, а также «способом оспаривания действительности обычных норм, которые возникли без согласия новых независимых государств» [18]. С другой стороны, такой метод не гарантирует от попадания в ту же «западно западного универсализма» (Yasuaki Onuma) [20, цит. по: 18]. Таким образом, речь идет о различных типах универсализации в рамках контрeuroцентричной критики.

Кроме этого, критерий универсальности появляется не только как результат множественного происхождения, но и как следствие выявления эквивалентности

⁸ «Аргентинский Карлос Кальво и эстонско-российский Федор Мартенс включили свои нации» в историю европейского МП (хотя, необходимо отметить, если речь идет об искажениях, эстонской политической нации в то время не существовало, а по поводу этнического происхождения Ф.Ф. Мартенса существуют расхождения) [Ibid.].

различных по происхождению норм. Это не сложно проследить, если речь идет о нормах обычного и естественного права. Но при переходе «от естественного права к позитивизму, европейские юристы-международники восприняли международное право как исключительно европейское» (С.Н. Alexandrowicz) [21, цит. по: 20].

Если в 1980–1990-х гг. теоретиками «третьего мира»⁹ МП «рассматривалось как препятствие, а не как средство для освобождения», то на Западе крах СССР ассоциировался с его прогрессом, а его глобализация сопровождалась функциональной фрагментацией, что в науке выразилось формой «обновленного западного универсализма» [18]. При этом возникают менее оптимистические исследования как в западном, так и в незападном мире, показывающие «взаимосвязь между международным правом и колониализмом, между западным суверенитетом и западным империализмом, между поощрением прав человека, международной торговлей или развитием и новыми формами подчинения» [Ibid.]. По мнению автора, Г. Гонг показал, что «встреча между западными и незападными народами привела к столкновению между различными стандартами цивилизации» [Ibid.; 9]. Для Анги (A. Anghe) и Чимни (B.S. Chimni) [22; цит. по: 18] МП возникает на перекрестке между «европейским и неевропейским миром». По мнению А.Б. Лорка, именно «благодаря колониальной экспансии международное право приобрело одну из определяющих характеристик: универсальность», а доктрины «неизбежно были сформированы отношениями власти и подчинения, присущими колониальным отношениям» [18]. Более того, эта взаимосвязь интерпретируется как трансисторическая константа, состоящая в диалектике «динамики различий» «цивилизационной миссии» (по А. Анги) [Ibid.].

6. Евроцентризм «сонных переулков и тупиков»

Другая реакция на появление Оксфордского справочника по истории международного права дана в статье Стефана Б. Кирмсе (Stefan B. Kirmse) [23, pp. 307–311]. По его мнению, основная задача Справочника — написать «альтернативные истории международного права» — является важной, но ее реализация не отменяет ряд вопросов по существу евроцентризма. Его удивляет, что «в отличие от историков, правоведа, похоже, имеют достаточно четкое представление о том, что такое международное право», связывая его с утверждением Вестфальских принципов XVII в. Это создает, по его мнению, «проблему чтения истории задом наперед» [Ibid., p. 308], что выражается в направленности и линейности исследований, в основе которых — обоснование того, как мир пришел к международно-правовой системе 1945 г.

⁹ Хотя теоретики МП говорят об окончании движения стран «третьего мира», в западной науке сохраняется аббревиатура TWAIL («подход стран третьего мира к МП»).

В то время как «альтернативная история международного права должна была бы сосредоточиться на правилах и обычаях, в соответствии с которыми государства и другие независимые политические образования действовали в определенные периоды истории, на двусторонней, многосторонней основе или в субрегионах мира» [Ibid.]. Поэтому «подлинно нетелеологический, неевроцентрический подход к международному праву может не ограничиваться историей движения к современному международному праву, но также должен быть историей сонных переулков и тупиков», которые частично находят свое отражение в Справочнике, чтобы показать МП «как универсальный нормативный арсенал, который сформировал отношения между независимыми политическими образованиями (а не просто «государствами» в современном смысле) до и после Вестфальского договора» [Ibid., p. 309]. «Тупики» НМП, по его мнению, — это то, чего ей недостает, а именно описания «отношений между автономными сообществами», а не как только лишь «реакция на Европу» [Ibid.]. Многие авторы «пытаются избежать евроцентричной ловушки» путем рассмотрения истории формирования МП от региональных структур к современной системе через анализ отношения последних к Европе, что, по его мнению, «представляет собой более мягкую форму евроцентризма» [Ibid.]. Если, как говорится в предисловии к Справочнику, «история международного права, начиная с шестнадцатого века, характеризуется как глобальная экспансия западных идей, а вместе с тем и западного господства», то очень сложно «избежать евроцентризма», методы категоризации которого основаны на рационализме Просвещения, и, следовательно, любая степень евроцентризма становится неизбежной [Ibid.]. В то время, как «вдохновленные Просвещением идеи „прогресса“ утратили свою привлекательность в социальной науке, по крайней мере с 1970-х годов», снова и снова данный тип повествования появляется, находя свое место и в различных частях Справочника. Исключением становятся главы о мирных договорах и международном арбитраже, откуда мы узнаем, что «европейское право народов было лишь одной из нескольких региональных подсистем», которая навязала себя миру «относительно поздно» [Ibid., p. 310]. В конечном счете, идет речь о том, что «проблема неявного евроцентризма» пронизывает различные исследования, предполагающие, что «идеи и нормы, которые возникли в Европе, так или иначе свободны от региона», в то время как говорится о географических отличиях, например, о том, что в Японии были различные определения территории, или об индийских представлениях о справедливой войне [Ibid., p. 311]. По мнению автора, «проблематично, с точки зрения гносеологии и методологии, сначала придерживаться европейских дискуссий, и лишь затем перейти к другим региональным дискуссиям», так как это неизбежно ведет к исключению

«региональных голосов из данных дискуссий» [Ibid.]. В конечном счете, «западное правовое образование, со своей стороны, имеет тенденцию не иметь дело с альтернативами или тупиками», и «само построение и структура (Справочника) увековечивают, а не преодолевают евроцентрический анализ» [Ibid.].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге данного — далеко не всеобъемлющего — рассмотрения различных теоретических позиций в отношении евроцентризма и его места в НМП можно прийти к следующим заключениям.

Современный этап в развитии НМП состоит в необходимости расширения пространства объективности международно-правовых исследований, что неизбежно связано с критикой евроцентризма, которая, сама по себе, будучи проблематичной, тем не менее, не может быть безграничной и тотальной. Иными словами, проблематичность евроцентризма ограничена не только с позиции критики исторических идеологий НМП (либерализм, колониализм, прорасистское определение цивилизации). Не отрицая европейского происхождения НМП, критика евроцентризма должна быть многоаспектной и комплексной. Историчность современного МП (актуально) и сам предмет (по сути) строятся на принципиальной множественности субъектов и универсальности пространства международных отношений. Поэтому выводы из анализа евроцентричных и контревцентричных стратегий можно расположить по трем уровням.

Во-первых, неоднородность евроцентризма предполагает различные его варианты, означающие:

а) в крайней степени — преследовать узколокальные политические интересы, игнорируя возможную критику в свой адрес, ассоциирующую его с колониализмом, расизмом, различными формами ксенофобии, стремлением к подавлению и глобальной несправедливости, узурпации цивилизованности и сегрегационном делении мира на «центр и периферию», и в то же время, вследствие утвердившегося архаизма и анахронизма мысли в XXI в., занимать позиции «нового варварства» в условиях полицентричного формирования новейшей системы МП. Иными словами, основной проекцией евроцентризма становятся различные формы неоконилиалистского дискурса;

б) занимать ответственные позиции по основным моментам критики с учетом (или без такого) стремления сохранить европейское наследие НМП и трансформировать его в систему актуальных универсальных категорий или, по меньшей мере, адаптировать его к не-универсалистским тенденциям. При всех вариациях такой тип евроцентризма будет представлять из себя более или менее умеренное состояние (в той или иной форме приверженности к европеизму в противовес

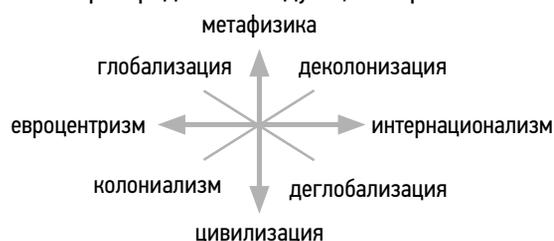
евроцентризму как региональной форме международно-правового «эгоизма»), а основным методом в этом плане будет междисциплинарность, открытая во всех направлениях, включая европейское;

в) в крайней степени критики или самокритики в отношении евроцентризма можно прийти до полного отрицания и пренебрежения историческим и теоретическим наследием, что для европейского теоретика выразилось бы, в лучшем случае, в требовании больше «молчать», чтобы быть открытым к иным точкам зрения, если не замолчать вовсе, а для сторонника регионализма в НМП — в провинциальном копировании худших качеств евроцентризма.

Отсюда было бы предпочтительным следование концепции умеренного восприятия и практики европейского наследия, осторожного (в силу специфических критериев научности в данной сфере) и в то же время не отягощенного (в силу особенностей классического образования) комплексами провинциализма и его самого. Собственно, именно крайняя степень приверженности к евроцентризму и наделяет его преимущественно провинциальным характером («Европа как провинция мира» [2, с. 142] или когда «новые европейцы» более «европейские», нежели «старые»), в то время как в умеренной форме возможна защита и сохранение классического наследия.

Во-вторых, в плане выбора контревцентричной методологии, теория множественности исторических (тропологических) дискурсов Х. Уайта, ставшая основанием для выбора в пользу контекстуализма, была направлена на деконструкцию исключительности какого-либо одного способа описания реальности, т.к. предпочтения в пользу любого из них строятся, скорее, на предрасудочных, нежели логических основаниях. И евроцентризм, и контекстуализм как вариант контревцентричной стратегии не имеют прочных методологических оснований.

Поэтому, в-третьих, теории множественности дискурсов необходимо противопоставить теорию множественности конститутивных процессов, взаимодействие которых составляет международно-правовую реальность. В рамках такого подхода евроцентристские крайности в принципе теряют свои основания и отбрасываются как далекие от объективности, т.к. речь идет о законах международной жизни вне зависимости от региональной или национальной принадлежности. В целом, оппозиции характеров международно-правовых исследований можно распределить следующим образом:

Евроцентризм как акцент на историческом происхождении МП ограничивается со стороны апелляции к интернационалистской сущности современного МП. Стремление в одном направлении сводит к минимуму противоположное. Аналогично и в отношении вертикальной оппозиции.

С другой стороны, евроцентристская метафизика нуждается в глобализационном процессе. Интернационализм в рамках теории множественности цивилизации выражается в тенденции к деглобализации. Евроцентристское представление о цивилизации в единственном числе связано с историей колониализма. Напротив, метафизика, политика и право интернационализма лежат в основе процессов деколонизации.

В том, что касается действующего права или актуальных проблем международно-правовых отношений, речь должна идти об очищении международно-правовых институций, их интерпретаций от колониального и гегемонистского налета, который и по сей день сохраняется в действиях основных акторов западного глобализационного проекта, а также в рудиментарном виде, когда и в основных источниках и международно-правовых доктринах речь идет о «цивилизованных нациях». Сам концепт «цивилизованных наций» требует отдельного и всестороннего анализа. Кроме того, критический анализ евроцентризма очевидно сопряжен с критическим переосмыслением таких понятий, как «центр принятия решений», «интеграция», «глобальная справедливость», «суверенитет», «стандарты прав человека» — всего того, что составляет базис различных международно-правовых идеологий современности, становясь фактором политики МП со стороны основных его действующих лиц.

Идеологическое противостояние в этой сфере не такое, как в эпоху «холодной войны», более сложное, гибридное, не всегда связанное с примитивным, фронтальным столкновением. Однако и сегодня — в плане политической философии — основными альтернативами в перспективе ближайшего будущего выступают преимущественно два проекта: либерально-глобализационный (антисуверенитарный и асоциальный, по сути, в отношении многообразия идентичностей) и суверенитарный проект интернациональной справедливости.

Последовательный критицизм в отношении европейских атрибутов истории и НМП превращает такой тип позиционирования в некую форму еврокритицизма, когда в то же время от элементов европейской принадлежности мышления в принципе не избавиться для адептов такого подхода. Но и в этом случае возможны крайние позиции: либо мимикрирование европейского под маской универсального и сохранение определенной степени высокомерия и лицемерия по отношению к иным; либо стремление с внешней стороны искоренить полностью указание на европейское

происхождение, т.е. стремление к деперсонализации европейской идентичности, к стиранию европейских корней классического образования — то, чем изначально грешат исторические предшественники такого отношения, а именно евроцентрические проколониалистские дискурсы в отношении иных субъектов. Понятие цивилизации в объективном плане предполагает множественное воплощение различных способов жизнеустройства и не может трактоваться в единственном числе. Образно говоря, если бы в мире существовал только один цвет, то у человека не было понятия о цвете. Ничто не мешает европейцу иметь европейские камертоны для настройки своих отношений с миром. Но и другим региональным формам сознания в равной степени ничего не мешает иметь свои камертоны или обращаться к общему наследию НМП.

Истина МП разворачивается в интерпространствах. Именно поэтому в данной сфере гуманитарного знания «истина — это формула, свободная от каждой отдельной формы» [7, с. 434], если и связанная с исторически «отдельными» формами, то, в конечном счете, нацеленная на универсальное, объективное, нейтральное. Даже в эпоху доминирования политического и теоретического евро(эго)центризма истина НМП формировалась в условиях хоть и неравноправных отношений, но в любом случае — полиморфных. В теоретическом плане евроцентризм может быть предметом критики с разных сторон, а именно: с позиций регионализма, позиций множественности «евроцентризмов», с позиции универсализма и интернационализма. Если суть евроцентризма с трудом усваивается европейским сознанием или его критика производится на европейский же манер, то это может быть свидетельством того, что для такого видения нет альтернативы, нет той множественности, которая лежит в основе дифференциации и формирования понятий. Если для евроцентриста нет ничего кроме евроцентрического видения, то границы этого понятия трудно проводимы. Полностью или недостаточно дифференцируемое сознание не имеет ничего общего с положительными знаниями или минимальными требованиями научности, являясь, скорее, следствием нерелефлексивных сторон идеологии, т.е. частью мифологического (метафизического) сознания. Приверженность к евроцентризму в современных условиях теряет связь с общим и международно-правовым позитивизмом, бывшим важным этапом в формировании профессии правоведа-международника. Беспредельно генерализируемые понятия лишаются своего исторического, прикладного и предметного значения. В ином случае они перемещаются из сферы науки в сферу верований и мифологий. В этом ключе за понятием евроцентризма следовало бы сохранить значение излишней приверженности не столько к региональной идентичности, сколько к тому, во что последняя неизбежно трансформируется, а именно к идее о якобы цивилизационных преимуществах данного

регионального сознания, что возможно, главным образом, в рамках линейного восприятия истории, неуместного в сфере как межцивилизационных взаимодействий, так и международных отношений и права в целом. Иными словами, евроцентризм следует понимать не столько как приверженность к европейской идентичности, сколько как приверженность к исключительности последней, склонной к демонстрации не столько европейского центра в мире, сколько его иерархического статуса по отношению к другим центрам. В этом смысле, критика евроцентризма, проблематизированная философскими, культурологическими, психологическими обстоятельствами, самой спецификой ИНМП, не представляет собой излишне сложную и запутанную стратегию. Достаточно указать на принципиальное предметное несоответствие идеи исключительности природе и предмету права международного сообщества. Никакой национальный

и региональный проект не может быть экстраполирован на мир без ущерба как для мира, так и для субъектов распространения. В противном случае распространение, теряющее связь с реальностью, заключало бы в себе худшие коннотации пропаганды ангажированного сознания, т.е. безответственные с точки зрения НМП способы аргументации. Как крайняя форма национализма в международной жизни приводила к формированию фашизма и Второй мировой войне, так и крайние формы идеологического регионализма — пусть и под флагом универсализма — находятся в том же направлении производства напряженностей, составляя, по меньшей мере, препятствия для защиты природы мирного состояния международного сообщества. Персонализация «больших» или региональных пространств в новейших условиях предполагает формирование интеррегионального МП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Tourme-Jouannet E. *Le droit international*. Paris: Presses Universitaires de France, 2013. 128 p.
2. Фуше М. *Европейская республика. Исторические и географические контуры*. Эссе. М.: «Международные отношения», 1999. 168 с.
3. Fassbender B., Peters A. *The Oxford Handbook of the History of International Law*. OUP, 2012. P. 764–786.
4. Каракулян Э.А. Систематизация международного общения. Некоторые аспекты методологии философии международного права // *Очерки истории религиозной и светской политико-правовой мысли* / Под общ. ред. Калининой Е.В.: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 232 с.
5. Баталов Э.Я. Антропология международных отношений // *Международные процессы*. Т. 3. № 2(8). 2005. С. 4–16.
6. Koskenniemi M. Histories of international law: significance and problems for a critical view // *Temple International and Comparative Law Journal*. 2013. Vol. 27. № 2. P. 215–240.
7. Вико Д. *Основания новой науки об общей природе наций*. Москва; Киев: «REFL-book»-«ИКА», 1994. 656 с.
8. Koskenniemi M. Histories of International law: Dealing with Eurocentrism // *Rechtsgeschichte Rg*. 2011. № 19. P. 152–176.
9. Gerrit W. Gong. *The Standard of Civilization in International Society*. Oxford: Clarendon Press, 1984. 267 p.
10. Skouteris T. *The Turn to History in International Law*. Oxford Bibliographies Online Datasets, 2017. DOI: 10.1093/obo/9780199796953-0154
11. Koskenniemi M. *A History of International Law Histories*. Oxford Handbooks Online, 2012. DOI: 10.1093/law/9780199599752.003.0040
12. Koskenniemi M. *International Law as Political Theology: How to Read Nomos der Erde?* // *Constellations*. 2004. № 11(4). P. 492–511. DOI: 10.1111/j.1351-0487.2004.00391.x
13. Jouannet E. & Sutcliffe C. (n.d.). *The Liberal-Welfarist Law of Nations: A History of International Law by Emmanuelle Jouannet*. Cambridge University Press, Cambridge, 2014. 318 p. DOI: 10.1017/cbo9781139093583.023
14. Уайт Х. *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 528 с.
15. Pepper S.C. *World Hypotheses: A Study in Evidence*. Los Angeles, 1966. 348 p.
16. Obregón L. Martti Koskenniemi's Critique of Eurocentrism in International Law. In W. Werner, M. De Hoon, & A. Galán (Eds.), *The Law of International Lawyers: Reading Martti Koskenniemi*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 360–392. DOI: 10.1017/9781108147620.015
17. Martineau A.-C. Overcoming Eurocentrism? *Global History and the Oxford Handbook of the History of International Law* // *European Journal of International Law*. 2014. № 25(1). P. 329–336. DOI: 10.1093/ejil/chu017
18. Lorca A.B. Eurocentrism in the History of International Law. *Oxford Handbooks Online*, 2012. DOI: 10.1093/law/9780199599752.003.0044
19. Anand R.P. "The Influence of History on the Literature of International Law" in RStJ MacDonald and DM Johnston (eds). *The Structure and Process of International Law: Essays in Legal Philosophy, Doctrine, and Theory*. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1983. P. 341–380.
20. Onuma Y. When Was the Law of International Society Born? — An Inquiry of the History of International Law from an Intercivilizational Perspective // *Journal of the History of International Law*. 2000. № 2. P. 1–66.
21. Alexandrowicz Ch. *The Afro-Asian World and the Law of Nations (Historical Aspects)* // *Recueil des Cours de l'Académie de Droit International de La Haye*. 1968. № 123. P. 117–214.
22. Anghie A. *Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law*. CUP Cambridge, 2005. 356 p.
23. Kirmse S.B. Sleepy Side Alleys, Dead Ends, and the Perpetuation of Eurocentrism // *European Journal of International Law*. 2014. № 25(1). P. 307–311. DOI: 10.1093/ejil/chu009

REFERENCES

1. Tourme-Jouannet E. Le droit international. Paris: Presses Universitaires de France, 2013. 128 p.
2. Fushe M. Evropejskaya respublika. Istoricheskie i geograficheskie kontury. Esse. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. 168 p. (In Russ.).
3. Fassbender B, Peters A (eds). The Oxford Handbook of the History of International Law. OUP, 2012. P. 764–786.
4. Karakulyan EA. Sistematizaciya mezhdunarodnogo obshcheniya. Nekotorye aspekty metodologii filosofii mezhdunarodnogo prava. Ocherki istorii religioznoj i svetskoj politiko-pravovoj mysli. Pod obshch. red. Kalininov EV: monografiya. Moscow: Yurlitinform, 2017. 232 p. (In Russ.).
5. Batalov EYa. Antropologiya mezhdunarodnyh otnoshenij *Mezhdunarodnye processy*. 2005;3(2):4–16. (In Russ.).
6. Koskenniemi M. Histories of international law: significance and problems for a critical view. *Temple International and Comparative Law Journal*. 2013;27(2):215–240.
7. Viko D. Osnovaniya novoj nauki ob obshchej prirode nacij. Moscow; Kiev: «REFL-book»-«ISA», 1994. 656 p. (In Russ.).
8. Koskenniemi M. Histories of International law: Dealing with Eurocentrism. *Rechtsgeschichte Rg*. 2011;19:152–176.
9. Gerrit W Gong. The Standard of Civilization in International Society. Oxford: Clarendon Press, 1984. 267 p.
10. Skouteris T. The Turn to History in International Law. Oxford Bibliographies Online Datasets, 2017. DOI: 10.1093/obo/9780199796953-0154
11. Koskenniemi M. A History of International Law Histories. Oxford Handbooks Online. 2012. DOI: 10.1093/law/9780199599752.003.0040
12. Koskenniemi M. International Law as Political Theology: How to Read Nomos der Erde? *Constellations*. 2004;11(4):492–511. DOI: 10.1111/j.1351-0487.2004.00391.x
13. Jouannet E, & Sutcliffe C (n.d.). The Liberal-Welfarist Law of Nations: A History of International Law by Emmanuelle Jouannet. Cambridge University Press, Cambridge, 2014. 318 p. DOI: 10.1017/cbo9781139093583.023
14. Uajt H. Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002. 528 p. (In Russ.).
15. Pepper SC. World Hypotheses: A Study in Evidence. Los Angeles, 1966. 348 p.
16. Obregón L. Martti Koskenniemi's Critique of Eurocentrism in International Law. In W. Werner, M. De Hoon, & A. Galán (Eds.). The Law of International Lawyers: Reading Martti Koskenniemi. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 360–392. DOI: 10.1017/9781108147620.015
17. Martineau AC. Overcoming Eurocentrism? Global History and the Oxford Handbook of the History of International Law. *European Journal of International Law*. 2014;25(1):329–336. DOI: 10.1093/ejil/chu017
18. Lorca AB. Eurocentrism in the History of International Law. Oxford Handbooks Online, 2012. DOI: 10.1093/law/9780199599752.003.0044
19. Anand RP. "The Influence of History on the Literature of International Law" in RStJ MacDonald and DM Johnston (eds). The Structure and Process of International Law: Essays in Legal Philosophy, Doctrine, and Theory. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1983. P. 341–380.
20. Onuma Y. When Was the Law of International Society Born? — An Inquiry of the History of International Law from an Intercivilizational Perspective. *Journal of the History of International Law*. 2000;(2):1–66.
21. Alexandrowicz Ch. The Afro-Asian World and the Law of Nations (Historical Aspects). *Recueil des Cours de l'Académie de Droit International de La Haye*. 1968;(123):117–214.
22. Anghie A. Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. CUP Cambridge, 2007. 356 p.
23. Kirmse SB. Sleepy Side Alleys, Dead Ends, and the Perpetuation of Eurocentrism. *European Journal of International Law*. 2014;25(1):307–311. DOI: 10.1093/ejil/chu009

ОБ АВТОРЕ

Эмиль Альбертович Каракулян, кандидат юридических наук; e-mail: isoforma@yahoo.fr

AUTHOR INFORMATION

Emil A. Karakulyan, candidate of legal sciences; e-mail: isoforma@yahoo.fr